

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՌԻՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

2023

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական
համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

12 (16)

ԵՐԵՎԱՆ 2023

ЕРЕВАН 2023

YEREVAN 2023

*Երաշխավորվել է սպազրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի
անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից*

*Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

*Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State Univer-
sity M.V. Lomonosov in Yerevan*

«ՈՌԻՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հան-
դեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի
մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրու-
թյուն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնա-
կանների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսա-
յականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորու-
թյան ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала **«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
РУСИСТИКИ»** рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как
отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения
внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым
популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов,
грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №12
(16). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2023. – 266 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список периодических изданий **ВАК РА***

 ORCID: 0000-0002-4377-1601

 ORCID: 0000-0001-9263-6791

© Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

ВЫРАЖЕНИЕ СРАВНЕНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Гаяне Суреновна Оганесян

gayane.hovhannesyan@ysu.am

*Преподаватель кафедры русского языка,
Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Статья исследует способы выражения сравнения в романе «Анна Каренина». Сравнение – широко используемый прием в тексте, оно выражено различными способами. Мы рассматриваем варианты его экспликации, построение вербальных средств, а также имплицитно выраженное сравнение, раскрывающее свое значение в контексте. Сопоставление присутствует как мотив, один из принципов образной структуры романа, что отражается в его языке.

Ключевые слова: «Анна Каренина», сравнение, сопоставление, эксплицитный, имплицитный, контекст.

Один из главных мотивов в романе «Анна Каренина» – это мотив трансформации в человеке и человеческой судьбе. Речь идет прежде всего о его главном персонаже, Анне, но перемены происходят и в тех, с кем ее жизнь связана, тесно и не очень. Именно погруженность в состояние перемены, резкого перелома жизни приводит героев к режиму выстраивания параллельного времени, другой реальности, сравнивая, как все обстоит сейчас, в настоящем, как оно было в прошлом и как оно может быть в будущем. Исследователями романа всегда отмечается, что в книге сравниваются две главные линии – взаимоотношений Анны и Вронского с одной стороны и Кити и Левина с другой – как выражения страсти и целомудренности. Мы от себя до-

бавим, что это веховая линия, но сравнение, отраженное в со- или противопоставлении, присутствует на уровне каждого персонажа романа. Герои книги сравнивают порой и себя с самими собой, прошлыми и нынешними, что отражает их внутренние перемены и придает образам драматизм: «В особенности ее поразило чувство недовольства собой, которое она испытала при встрече с ним. Чувство то было давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства, которое она испытывала в отношениях к мужу; но **прежде она не замечала этого чувства, теперь она ясно и больно осознала его**» [4: 170]¹. В литературоведении отмечается, что принцип сопоставления – важная композиционная составляющая большого художественного произведения, философской прозы. Оно соответственно выстраивается через «наличие в произведениях персонажей или сюжетных линий, выражающих различные концепции» [2: 190]. Различные характеры, мировоззрения, видения присутствуют в произведении как «взаимонеобходимые контрасты» [1: 14].

Мотив сопоставления имплицитно присутствует почти во всем в романе, и соответственно находит свои формы вербализации в тексте. Наша работа посвящена описанию этих форм.

Сравнение выражается в языке различными способами. Мы знаем, что природа сравнения широка. Сравнение лежит в основе метафоры. Распространенным и эксплицированным способом выражения сравнения является оборот с употреблением сравнительных союзов *как, словно, как будто* и т.д. Мы коснемся не только эксплицированных способов выражения сравнения в тексте романа, но и имплицитных, метафорических и контекстуально связанных. Периоды со сравнением могут быть различного масштаба, они могут представлять собой словосочетание, а могут разрастаться до предложения или абзаца. И не только. В тексте, что характерно для произведения большого

---

¹ Далее будет приводиться только страница данного тома.

объема, сравнение может быть расположено дистантно, его элементы могут находиться на некотором расстоянии друг от друга и именно приведение их в рамки единого контекста выстраивает фигуру сравнения. Мир и контекст художественного произведения производит трансформации не только в сюжете и образной структуре, но и в функционировании языковых единиц.

Сравнения с употреблением сравнительных союзов или иных экспликаторов со сравнительным значением включают работу самых неожиданных образов. Метафорика этих сравнений оригинальна, самобытна: «Присутствие этого ребенка вызывало во Вронском и Анне **чувство, подобное чувству** мореплавателя, видящего по компасу, что направление, по которому он быстро движется, далеко расходится с надлежащим, но что остановить движение не в его силах, что каждая минута удаляет его больше» [189], «Он же чувствовал **то, что должен чувствовать убийца**, когда видит тело, лишенное им жизни» [153], «Алексей Александрович, столь сильный человек в государственной деятельности, тут чувствовал себя бессильным. **Как** бык, покорно опустив голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят» [151], «Она стала **биться, как пойманная птица**: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси» [215]. В сцене, когда Анна говорит Вронскому, что беременна, она держит листок. Мы читаем: «Рука ее, игравшая сорванным листом, дрожала» и через их диалог, после ее признания – «Листок в ее руке задрожал **еще сильнее**» [191]. Описывается перемена в персонаже. Здесь сравнение заключается в восприятии этого события ею и Вронским, женщиной и мужчиной: «Но она ошиблась в том, что он понял значение известия так, **как** она, женщина, его понимала. При этом известии он с удесятенною силой почувствовал припадок этого *странного, находившего на него чувства омерзения к кому-то*; но вместе с тем он понял, что тот кризис, которого он желал, наступил теперь, что нельзя более

скрывать от мужа, и необходимо так или иначе разорвать скорее это неестественное положение. Но, кроме того, *ее волнение физически сообщалось ему*» [191]. Они сравниваются с самими же собой прежними через тот рост, который проходят в одну секунду от сообщаемой ею вести. У обоих это выражается на физическом уровне. Сравнение раскрывается в рамках нескольких абзацев. Другой случай эксплицированного сравнения со сравнительной степенью прилагательного и сравнительным союзом в сложном предложении: «Я должен объявить свое решение, что, обдумав то тяжелое положение, в которое она поставила семью, все другие выходы будут *хуже* для обеих сторон, *чем* внешнее *status quo* (*прежнее положение*), и что таковое я согласен соблюдать, но под строгим исполнением с ее стороны моей воли, то есть прекращения отношений с любовником» [288].

Другую категорию сравнения в романе представляет ряд случаев противопоставления. В основе любого противопоставления лежит именно сходство, часто парадоксальное. Противопоставляя вещи, мы говорим именно об их сходстве (гиперболически это показано у Н.В. Гоголя в его «Повести об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче», где под внешнюю категорическую разность своих персонажей он поместил один и тот же тип человека).

Вспомним, как рассуждает Алексей Каренин, пытаясь определить свое поведение в наставшей ситуации: «Она должна быть несчастлива, но я не виноват, и потому не могу быть несчастлив» [289]. Он противопоставляет себя жене, *она должна быть несчастлива, а он счастлив* – та информация, которая первоначально считывается с его слов. Однако если мы взглядемся, то сразу обратим внимание, что он выбирает эвфемизацию выражения *не могу быть несчастлив*, что говорит о том, что он именно несчастлив и отдает себе в этом отчет, но не хочет признаться. Т.е. он так же несчастлив, как и Анна. А с другой стороны, форма *она должна быть несчастлива* говорит о его уверен-

ности, что в любви к Вронскому она счастлива, но он, ее муж, желает ей несчастья из чувства того несчастья, которое она ему причинила. Т.е. он утверждает, что он несчастлив дважды, в двух разных вербальных формах. Говорит он в данном случае только о себе, выбирая мериллом жену. Не случайно, что периоды, содержащие сравнение, обширны в романе, как мы сказали выше. Именно на этом пространстве возможно выстраивание желаемого мира в противовес существующему. Подобное поведение, выстраивание желаемого мира, особенно свойственно Алексею Александровичу на первых порах, когда он узнает об измене жены: «Алексей Александрович не видел даже, почему его отношения к жене не могли оставаться *такие же почти, как и прежде*. Без сомнения, он никогда не будет в состоянии *возвратить* ей своего уважения. <...> “Да, пройдет время, все устрояющее время, и отношения *восстановятся прежние*, – сказал себе Алексей Александрович, – то есть *восстановятся в такой степени*, что я не буду чувствовать расстройств в течении своей жизни”» [289]. Здесь, помимо экспликаторов *как, прежде, прежние, в такой степени* присутствуют глаголы *возвратить* и *восстановятся*, которые в своей семантике несут ядро сравнения, желание, чтоб сейчас было *как прежде*.

Отдельный разряд составляют сравнения, представляющие собой широко развернутые метафоры. Они присутствуют в тексте многократно – метафора обрастает своими образными атрибутами и автор возвращается к ней или ее частям через определенные периоды: «Он испытывал *чувство человека, выдернувшего долго болевший зуб*, когда после страшной боли и ощущения чего-то огромного, больше самой головы, вытягиваемого из челюсти, большой вдруг, не веря своему счастью, чувствует, что не существует более того, что так долго отравляло его жизнь, приковывало к себе все внимание, и что он опять может жить, думать, интересоваться не одним своим зубом» [285].

Здесь мы не столько хотим обратить внимание на сравнение чувства ревности с болью в зубе, а на сравнение Алексея Александровича с *человеком*, у которого болит зуб. Это сравнение очень характерное для поздних текстов Толстого. На эти толстовские сравнения есть указания в исследованиях по его творчеству: «Развернутые сравнения этого типа («неявные» сравнения) усложняются <...>: Л. Толстой вводит значение условности, ситуативной ограниченности того состояния, с которым происходит сопоставление. Об условии сообщается в обособленном определении, входящем в состав развернутого сравнения» [3: 80]. Здесь это определение – *выдернувшего долго болевший зуб*. Через две страницы, к концу главы, Толстой возвращается к этому сравнению: «Чувство ревности, которое мучало его во время неизвестности, прошло в ту минуту, когда ему с болью был выдернут зуб словами жены» [288]. Подобные развернутые сравнения присутствуют и в описании Анны: «Воспоминание о зле, причиненном мужу, возбуждало в ней чувство, похожее на отвращение и подобное тому, какое испытывал бы тонувший человек, *оторвавший от себя вцепившегося в него человека*. Человек этот утонул. Разумеется, это было дурно, но это было единственное спасенье, и лучше не вспоминать об этих страшных подробностях» [5: 28]. Сравнение не ограничивается только обособленным определением, оно выделяется в отдельный образ-предикат *Человек этот утонул*. Вот другой подобный случай, аналогию здесь проводит сама Анна: «–Я несчастлива? – сказала она, приближаясь к нему и с восторженной улыбкой любви глядя на него, – я – как голодный человек, *которому дали есть*. Может быть, ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно, но он не несчастлив» [194]. И опять с дальнейшим выделением в отдельное предложение. Подобное сравнение может быть постпозитивным, как это приведено выше, а может быть препозитивным: «*Спасать можно человека, который не может погибать*; но если натура вся так испорчена, раз-

вращена, что самая погибель кажется ей спасением, то что же делать?» [403]. Оно может выступать в виде риторического вопроса: «*Разве* может человек, который что-нибудь чувствует, жить с своею преступною женой в одном доме?» [368]. Здесь степень удивления выражает вопросительное слово *разве*.

Имплицитно также сравнение двух религий – религии настоящей и религии Алексея Александровича присутствует в следующем периоде: «...Теперь, когда его решение совпадало с требованиями, *как ему казалось*, религии, *эта религиозная санкция* его решения давала ему полное удовлетворение и отчасти успокоение. Ему было радостно думать, что и в столь важном жизненном деле никто не в состоянии будет сказать, что не поступил сообразно с правилами *той* религии, которой зная он всегда держал высоко среди общего охлаждения и равнодушия» [289]. В выражении *как ему казалось* Толстой отделяет религию общепринятую от религии личной Алексея Александровича, которую он придумал под свои теории для их закрепления. Хотя само выражение безличное, не является экспликатором сравнения, оно помогает его выразить. И уже далее это подчеркивается указательно-определятельным местоимением *той*.

Сравнение может выражаться числительным *два*, например, когда говорится о любви Вронского к Анне и страсти к скачкам: «*Две* страсти эти не мешали одна другой. Напротив, ему нужно было занятие и увлечение, не зависимое от его любви, на котором он освежался и отдыхал от слишком волновавших его впечатлений» [178]. Это числительное присутствует и в другом известном описании: «*Два* человека, муж и любовник, были для нее двумя центрами жизни, и без помощи внешних чувств она чувствовала их близость» [211]. К двоению в романе мы ещё вернёмся.

В выражении сравнения участвует также лексическое поле *странного, противоречащего прежнему характеру, неожиданного,*

ужасающего: «Боль эта была усилена еще тем *странным* чувством физической жалости к ней, которую произвели на него ее слезы» [284]. Слово *странный* свидетельствует о происходящей в течение секунды перемены в Каренине, когда он постепенно отдаляется от себя прежнего, в нем слегка смещается его отношение к жене. Этот тон задается в самом начале главы: «Никто, кроме самых близких людей к Алексею Александровичу, не знал, что этот с виду самый холодный и рассудительный человек имел одну, *противоречивую* общему складу своего характера, слабость» [284]. В продолжении главы тон раздвоения персонажа внутри, когда он стоит перед необходимостью делать что не в его духе, не похоже на его обычное поведение, выдерживается и находит вариативные способы выражения: «Этот ужас смолodu часто заставлял его думать о дуэли и *примеривать себя к положению*, в котором нужно было подвергать жизнь свою опасности» [286]. И далее Алексей Александрович говорит себе: «*Положим, меня научат* (речь идет об умении стрелять). <...> Какой смысл имеет убийство человека для того, чтобы определить свое отношение к преступной жене и сыну?» – и далее сравнение эплицируется: «*Точно так же* я должен буду решать, что должен делать с ней» [286]. Алексей Александрович говорит все это себе, в глубине души понимая, что занимается самообманом, поэтому к концу главы Толстой заключает: «Он <...> видел то, что известная утонченность этой жизни не допускала и применения этих доказательств, если б они и были, что применение этих доказательств уронило бы его в общественном мнении *более, чем ее*» [287]. И, наоборот, сравнение может выражаться семантическим полем *привычного*: «Когда они подъехали к дому, он высадил ее из кареты и, *сделав усилие над собой, с привычною* учтивостью простился с ней...» [284].

В таком же состоянии узнавания самих себя и наблюдения перемен внутри себя находятся Анна и Вронский точно так же, как Каре-

нин, но без внутренней лжи себе. Они лгут обществу, но себе говорят правду. Она изменница-жена, но перед нами она страдает, она честна и ей нельзя не сочувствовать: «Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его. Она, **как** и при всяком свидании, сводила в одно свое воображаемое представление о нем (*несравненно лучшее, невозможное в действительности*) с ним, каким он был» [365]. Параллельно чувства Вронского Толстой описывает так: «Сколько раз он говорил себе, что ее любовь была счастье; и вот она любила его, как может любить женщина, для которой любовь перевесила все блага в жизни, – и он был *гораздо дальше* от счастья, *чем* когда он поехал за ней из Москвы» [366].

В яростном монологе Анны против мужа очень много сопоставлений ее с ним. Это выражается и в условном предложении: «О, если бы я была на его месте, если бы кто-нибудь был на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту жену, такую, как я, а не говорила бы *ma chere, Анна*» [368].

Мы не перечисляем и не рассматриваем в нашей работе метафору, поскольку это может быть темой для отдельной работы и примеры ее в тексте многочисленны. Так или иначе метафора присутствует и в приведенных нами примерах, просто здесь мы не ставим целью акцентировать на ней внимание. Это случаи, такие как *Лицо его вдруг приняло торжественную неподвижность мертвого; Это не человек, это министерская машина; Это не мужчина, не человек, это кукла!*

Этот роман сложно заподозрить в шуточном тоне, однако в нем присутствуют и забавные сравнения, Толстой не избегает легкости тона. Через подобные фигуры автор напоминает, что с драматизмом жизни соседствует ее глупая сторона, это естественно, это есть и этого не избежать. В этом плане любопытно описание иностранного принца, с которым Вронский вынужден возиться как с дорогим гостем. При

этом описание принца вызывает ироничную улыбку: «Он был свеж, *как большой зеленый гляцевитый голландский огурец*» [362].

Сопоставления (особенно дистантные, которые мы упоминали) есть и в сравнении снов Вронского и Анны, когда они видят почти один и тот же сон о бородатом мужике, который роется в каком-то мешке и что-то бормочет под нос. Такой сон не может предвещать ничего хорошего. Когда, сломав спину, падает Фру-Фру, Толстой пишет, что она, лошадь, *забилась, как птица*. Такой же сравнительный оборот он применяет к описанию реакции Анны после того, как все наблюдали падение Вронского. Также два постыдных воспоминания – для Вронского падение его лошади, а для Анны – неприятный, веселый, многословный разговор с мужем до скачек, когда она еще не призналась ему, но близка к признанию: «Во всем разговоре этом не было ничего особенного, но никогда после без мучительной боли стыда Анна не могла вспоминать всей этой короткой сцены» [210]. В этих периодах есть сопоставление, но оно выбивается за пределы фигуры сравнения. Оно уже выражается через повторы, параллельно выстроенную образность, что помогает обслуживать именно его дистантность. В исследованиях по роману на эту композиционную цикличность/циклизованность, двоение, уже обращено внимание.

В своей работе мы представили роль сравнения в характеристике персонажей романа «Анна Каренина». Новое видение каждым отдельным читателем актуализирует «сверхиндивидуальную значимость художественного целого» [6: 13], мы берем произведение писателя и видим в нем что-то свое. Тюпа, говоря о восприятии анализирующего, называет его «горизонтом современного эстетического опыта, который исторически динамичен, постоянно смещается и трансформируется» [6: 13], как и персонажи замечательной книги Толстого. Поэтому ни один анализ художественного шедевра не может стать последним словом о нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
2. *Лученецкая-Бурдина И.Ю.* Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: художественное решение философско-этических проблем // Ярославский педагогический вестник, № 2, Т. 1 (Гуманитарные науки). – 2013 – 331 с.
3. *Показеева Л.Г.* Эволюция сравнений в языке Л.Н. Толстого // Язык и стиль Л.Н. Толстого. – Тула, 1978. – 162 с.
4. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Книга I. – М.: «Художественная литература», 1987. – 448 с.
5. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Книга II. – М.: «Художественная литература», 1987. – 384 с.
6. *Тюна В.И.* Анализ художественного текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 340 с.

ՀԱՄԵՄԱՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐՏԱՀԱՅՏՈՒՄԸ Լ.Ն. ՏՈԼՍՏՈՅԻ «ԱՆՆԱ ԿԱՐԵՆԻՆԱ» ՎԵՊՈՒՄ

Գ.Ս. Հովհաննեսյան

gayane.hovhannesyan@ysu.am

*Ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս,
Երևանի պետական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը դիտարկում է համեմատության արտահայտումը Լ.Ն. Տոլստոյի «Աննա Կարենինա» վեպում: Համեմատությունը տեքստում լայն կիրառվող հնար է, այն արտահայտվում է տարբեր կերպով: Մենք դիտարկում ենք նրա պատկերման ձևերը, բառային կառուցվածքները, ինչպես նաև համեմատության քողարկված, իմպլիցիտ ներկայությունը, որը բացահայտվում է կոնտեքստում: Համադրությունը առկա է վեպում որպես մոտիվ,

նրա կերպարային կառուցվածքի սկզբունք, ինչը իր արտացոլումն է գտնում ստեղծագործության լեզվի մեջ:
Բանալի բառեր՝ «Աննա Կարենինա», համեմատություն, համադրություն, էկսպլիցիտ, իմպլիցիտ, կոնտեքստ:

EXPRESSION OF COMPARISON IN «ANNA KARENINA» NOVEL BY L.N. TOLSTOY

G. Hovhannesian

gayane.hovhannesian@ysu.am

*Lecturer at the Department of Russian Language,
Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article explores the ways of expressing comparison in the novel «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy. Comparison is a widely used device in text and expressed in a variety of ways. We consider options for its explication, the construction of verbal means, as well as an implicit expressed comparison that reveals its meaning in the context. Juxtaposition is present as a motive, one of the principles of the figurative structure of the novel, which is reflected in its language.

Keywords: «Anna Karenina», comparison, juxtaposition, explicit, implicit, context.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 03 сентября 2023 г.,
подписана к печати в номер 12 (16) / 2023 – 15.12.2023 г.*